МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

2021-2022 уч. г.

МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

9-10 КЛАССЫ

1.Задание

Творческое задание

Создайте лонгрид-реконструкцию (лекцию со встроенными рисунками или иными средствами визуализации) по Дому Гоголя (мемориальному музею и научной библиотеке) в Москве.

Тема лонгрида (на выбор):

1.Рукописи горят? или

2.Последний год в жизни Н.В. Гоголя

Лонгрид – это хорошо структурированный и визуально оформленный материал. Тема лонгрида должна быть интересной, и очень важно, как её подать. Можно взять известный материал и дать ему необычное освещение. Взять тему и раскрыть её так, как ещё никто не подавал. Разновидностью лонгрида является лонгрид-реконструкция, т.е. воссоздание давно прошедших событий. В основе текста должна быть одна объединяющая идея, вокруг которой выстраивается остальной материал.

План лонгрида

1. Название лонгрида.
2. Яркий лид (лид – это первые фразы (строки), предваряющие статью. Их задача привлечь внимание читателя, в них чаще всего передаётся то, о чём будет сообщаться в данном тексте).

3. Последовательное изложение информации, которая имеет следующее построение: завязка, развитие действия, кульминация, развязка.
4. Информация должна быть достоверной (поэтому надо провести «фактчекинг» – проверку информации на подлинность).
5. Текст может сопровождаться иллюстрациями и гифками, которые передают эмоции.

Пользуясь сценарным планом экскурсии по музею Н.В.Гоголя в Москве, (в этом доме писатель прожил последний год жизни, здесь была сожжена им рукопись второго тома «Мёртвые души»), подготовьте лонгрид-реконструкцию на тему:

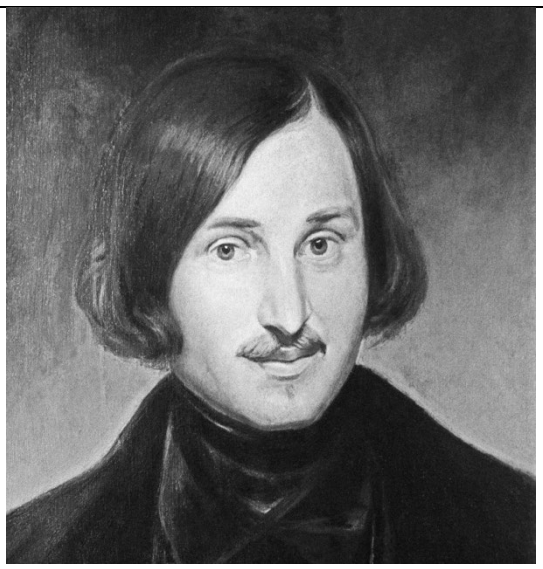
1.«Рукописи не горят» или

2.«Последний год в жизни Н.В. Гоголя

Если необходимо, использовать картинки, то нумерация рисунков передаются следующим образом: рис.№1, рис.№2.

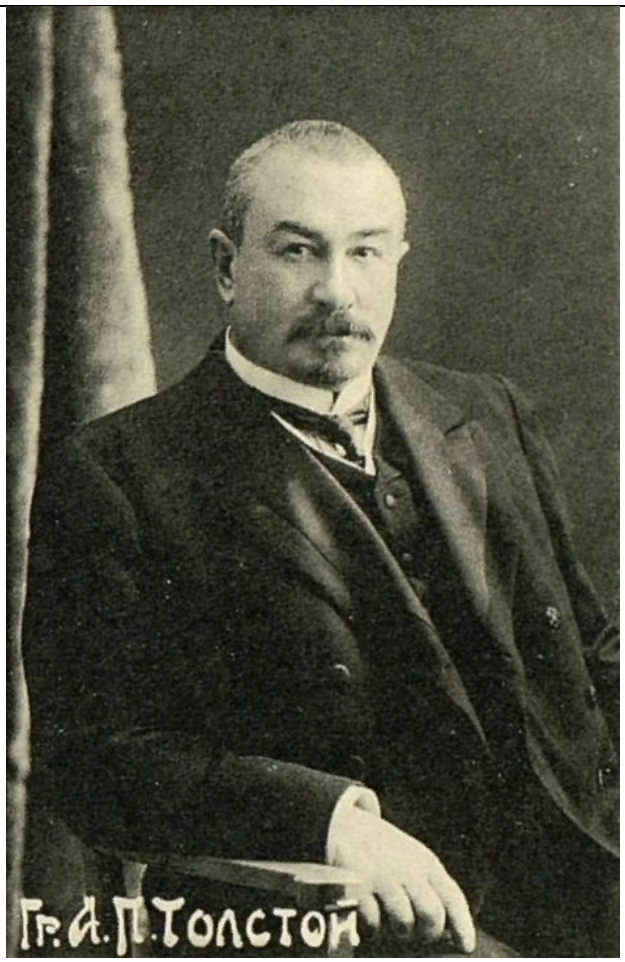
NB. Несомненно, что при подготовке текста лонгрид-реконструкции, вы вправе добавлять известную вам информацию о причинах, приведших к Н.В. Гоголя к сожжению рукописи 2 тома поэмы «Мёртвые души».

Материалы для выполнения задания

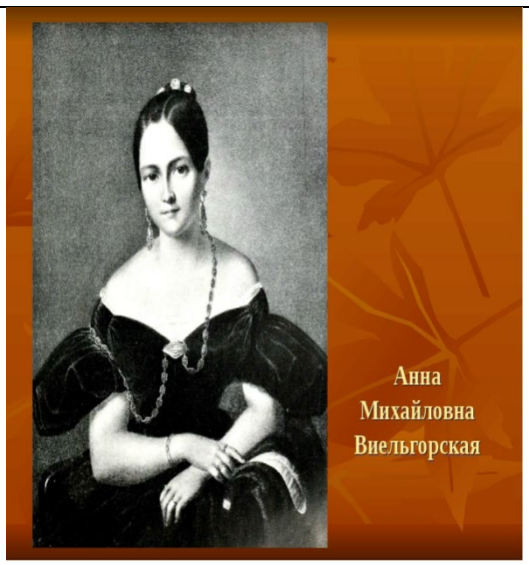
1		1	**Николай Васильевич Гоголь** «[Гоголь] писал не то, что могло бы более нравиться, и даже не то, что было легче для его таланта, а добивался писать то, что считал полезнейшим для своего отечества. Н. А. Некрасов» «С Гоголя водворился в России совершенно новый язык; он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью к натуре. В. В. Стасов»
2		2	Село Васильевка Имение родителей Н.В. Гоголя.
3		3	Санкт-Петербургский университет. Здесь Н.В. Гоголь читал историю средних веков для студентов второго курса филологического отделения.

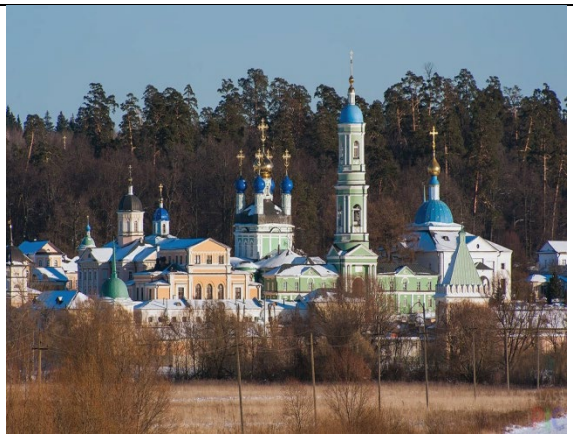
4		4	Н.В. Гоголь В Риме
5	Москва в жизни Гоголя Н.В. Гоголь много путешествовал по Европе, восхищался Римом. Мотив Дороги стал отражением образа жизни писателя. Путешествие было спасением для его мятущейся души. Однако умереть Гоголю суждено было в Москве. Последним земным приютом писателя стала квартира в особняке графа А.П. Толстого, расположенном на Никитском бульваре и ранее принадлежавшем А.И. Талызину.		
6		6	Музей Н.В. Гоголя на Никитской (ныне Гоголевский бульвар)

7		7	Памятник Н.В. Гоголя работы Н.А. Андреева
8	Н.В. Гоголь в доме Толстого Сюда, в двухэтажный особняк, построенный в стиле классицизма, Гоголь перебрался после завершения семилетнего путешествия по Италии, Германии, Франции. Он сам выбрал комнаты на первом этаже особняка, которые располагались справа от прихожей. В декабре 1848 года, переехав от М.П. Погодина, Гоголь вместе со слугой Семёном поселился в доме графа А.П. Толстого Никитском бульваре.		
9		9	Комната Н.В. Гоголя в доме Толстого
10		10	Здесь Н.В. Гоголь намеревался завершить работу над рукописью 2 тома « Мёртвые души»
11	По воспоминаниям современников А.П. Толстого отличали аскетизм и		

	религиозная настроенность, поэтому его называли «оптинским христианином», что внутренне сближало его с Гоголем. Поэт Н.В. Берг так описывал житье Гоголя: «Здесь за Гоголем ухаживали, как за ребёнком, предоставив ему полную свободу во всём. Он не заботился ровно ни о чём».		
12		12	Граф Александр Петрович Толстой
13	К концу 40-х годов Гоголь уже был знаменитым писателем. Появление Гоголя на публике вызвало восторг и восхищение. Его произведения были любимы читателями. Начиная с покоряющего поэтическим отражением народной жизни сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки», в котором переплелись впечатления от реального, зримого мира, грёз, фантазий, видений, открывающих «двойное бытие», до мира зазеркалья «Ревизора», «Мёртвых душ», где отчётливо проступает суть вещей и явлений, – двоемирия,		

	освещаемого Божественным промыслом.		
14.			Лучшие произведения Н.В. Гоголя
15.			

16.			А.М. Виельгорская Отношение писателя к «небесному существу», дочери титулованных родителей, принадлежавших к высшему кругу, принимает оттенок душевной близости: Гоголь советует ей не танцевать и объясняет, что она не хороша собой…
17	В свою очередь, Анна Михайловна расспрашивает Гоголя об успехах его литературных занятий. Всё это придает их общению оттенок интимности, рождает у писателя надежду на взаимность и побуждает просить руки Анны Михайловны. Он обращается к Д.В. Веневитинову, женатому на старшей дочери ВиельгорскихАпполинарии Михайловне, но тот даёт понять, что это предложение не может иметь успеха. Этот отказ глубоко уязвляет Гоголя.		
18	**Последний год жизни Гоголя наполнен разного рода событиями: весной 1851 года произ**ошла встреча с семьей. Месяц писатель прожил в родной Васильевке, навестил Полтаву. Позже он посетил имение А.А. Трощинского в Кагорлыке. В это время его тревожит состояние здоровья, беспокоят хозяйственные неурядицы в имении, пугают дурные приметы, телесные силы все чаще покидают его.		

19.			Имение Трощинского
20.	Сестры отмечают, что в нём исчезла «беззаботная весёлость, какую он иногда обнаруживает в обществе соседей, заставляя всех смеяться до слёз». К этому времени он посещает Оптину пустынь, хранительницу «святоотеческого любомудрия», и ведёт беседы со старцами.		
21.			Оптина пустынь
22.	Основным, что поглощало внимание Гоголя, была работа над рукописью второго тома «Мёртвых душ». Первый том вызвал небывалый отклик в читательских кругах и был назван В.Г. Белинским «творением истинным». Критика отмечали многосторонность и эпичность поэмы. Высмеивая человеческие пороки и слабости, Гоголь, по его признанию, передал «большую часть своих пороков и слабостей». После сожжения в 1845 году рукописи второго тома писатель вновь берётся за работу. Второй том, по словам самого писателя, «пишется и не пишется».		

23.			Экспозиция музея Музей (Дом Гоголя) представляет собой экспозиционный спектакль.
24.			Зал
25.			Гостиная
26.	Символическое значение в инсталляции гостиной имеет печь-камин, в которой Гоголь сжёг рукопись второго тома «Мёртвых душ». Во время поста, который Гоголь соблюдал неукоснительно, в ночь с 11 на 12 февраля «он долго молился один в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика из прихожей, пошёл в комнатус печью и попросил подать портфель. Он вынул связку тетрадей «перевязанных тесёмкой, положил её в печь и зажёг свечой из своих рук». Дождавшись, пока всё сгорит, он, перекрестясь, воротился в прежнюю комнату, поцеловал мальчика, лёг на диван и заплакал. После сожжения рукописи второго тома «Мёртвых душ» Гоголь писал: «Не легко было сжечь пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясеньем…»		

Задание 2.

Аналитическое задание

Произведите целостный анализ поэтического или прозаического текста. Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой цельный, связный завершённый текст.

Проза

Зайцев Борис Константинович

«Мгла»

Мы выезжаем: восьмой час зимнего утра. В большом пустоватом моем доме, в столовой, горит еще свеча, стоит стакан стынущего чая со сливками, пахнет сапогами, табаком и охотой, а рядом, в кабинете со смятой постелью и чуть сереющими прямоугольниками окон, все опять начинает стынуть и холодеть без человека.

Минуем деревню, едем чуть заметно под гору. Сзади розвальней, на смычках, рысцой бегут собаки, кажущиеся темным пятном; в полутьме ясно представляю себе переднего – старого Добыча, мудрого, многоопытного, всегда думающего и теперь, наверное, – в свинцовых потемках о чем-то размышляющего по-своему, по-собачьи -- смутно, затемненно. Может, даже и сейчас он понимает, за кем мы едем, с кем придется иметь дело. Дрожь пробирает; не холодно, в сущности, но как-то суровы и угрюмо пронизывающи всегда эти утренние, зимние полупотемки. Кружась по голому полю, налетает безвестный, сейчас же и пропадающий ветер: пахнет он остро и вкусно, точно, правда, снег имеет запах. Тонко и жалобно звенят стволы ружья, а вправо и влево синеет неприветный хмурый снег и ровный ход розвальней, неясные тени собак сзади, силуэт кривоногого Гришки "за кучера", нежное гудение стволов, человеческие запахи: папиросного дыма, овчины моего полушубка, -- все это тает в беспредельных, серо-синеватых тонах. Точно по странному, бесконечному, от века существующему морю плывет наша призрачная скорлупка.

Совсем уже почти рассвело, когда мы подъехали к "заказу". Слезаем. Далеко видно со взгорья. День теплый, сыровато-туманный. В далеком свинцовистом воздухе, над вылезшими из мутно-белого снега пятнами лесочков перетягиваются и лениво ворочаются хмурые небеса, и на всем лежит этот таинственный, мглисто-сизоватый налет уходящей ночи. Кажется, будто и лесочки, как огромные лесные звери, только что проснувшиеся, потягиваются и зевают. Что-то темное, мрачно-сладострастное подкатывает к сердцу. И собаки беспокойны, все тянутся в одну сторону; трудно держать их на смычке, а у мудрого Добыча от частого разгоряченного дыхания падают капельки с языка. Вот он подымает на меня свою седеющую морду с прокушенным ухом. Как мы понимаем с ним друг друга!

Лошадь привязана в кустах. Гришка ведет гончих на смычках в обход, я лезу по колено в снегу.

Вот «лаз»: извилистая лощинка в лесу, сходящемся мысочком, – нельзя будет «ему» миновать меня. Так и напорется.

Почему-то вспоминается мне опять Добыч; иногда он тоже охотится. Молодежь гоняет, а он, не торопясь, трусцой забежит наперерез, станет на лазу и ждет зайчишку. Так же этот волк цапнул вчера мою Затейку и, теперь слегка подраненный, залег где-то в чаще заказа. И равно меня, собак и волка охватил этот далекий, неясно маячащий горизонт. Слышно, как сороки стрекочут вдали; вот даже видно, как они ныряют в воздухе; длинными, бело-черными стрелками. Хитрые, неприятные птицы -- несмотря на кажущуюся веселость: в самых далеких глухих чащах, где гниет и разлагается что-нибудь, они беззаботно трещат и перепархивают с ветки на ветку.

Но вот собаки гонят. Низкий, мерный бас Добыча похож на набат, а вокруг толпятся и прыгают наперебой веселые, как перезванивающие колокола, голоса молодых.

Далеко! «Он» после выстрела рванул задом в сторону, присел на мгновение... я тоже пригнулся, как будто этим можно было пригвоздить его к земле. Но нет, все-таки он справился и побежал. Бежал он странно, запинаясь как-то, но все же резко. Я понял, что он пойдет лощиной; лощина – полудугой, – надо наперерез. Задыхаясь помчался я к розвальням; как-то странно было: виднелись опять лесочки на горизонте, пушистый снег был не по-утреннему бел и беззвучен, и, хотя в ста шагах была лошадь с розвальнями, казалось, что никого нет, кроме нас с волком. Все вокруг молчало, но имело иронический вид.

Трудно бежать по снегу; собаки, и те устали.

Гоню Серенького. Целиком, без дороги, захлебываясь от волнения, мы скачем по белому снегу, под загадочно серым небом, где совсем ничто не звучит: жалкий мой выстрел был похож на щелк пастушьего кнута. Выходит так, будто навалили в гордом, пустынном месте пухлый слой белой ваты, чтобы разные чудаки не мешали звуками этому небу и этой земле, которая туда глядит. Вот и овраг. Спрыгиваю с саней, бросаюсь стремглав в низкие кустики, опускаюсь на одно колено в снег – жду. Бежит по дну оврага рысцой, устал. Снегу внизу много – пар валит от него. Сейчас, сейчас! Ружье на перевесе, темно-стальные стволы с крохотной мушкой чуть чертят концами в воздухе, сердце стучит толчками, в глазах зеленеет... Почти шагом выбирается на ту сторону – остановился. Но расстояние... Делать нечего, ложе у щеки, мушка чуть-чуть ездит по его серому боку... Удар!

Простым глазом видно, как хлестнуло его, как мучительно он перевернулся, завертелся на месте и все-таки рванул бежать.

Я сжимал все мускулы в себе, корчился от желания схватить его, в слепой ярости бросался вниз за ним в овраг, что-то кричал. В горле хрипело, пальцы хрустят, рот дергается, что-то безумное владеет мной.

Когда я выбрался на ту сторону, он был уже шагах в двухстах. Он плелся трусцой по дороге, а наискось, по цельному снегу, тянули за ним собаки; но они едва двигались от усталости, и он, видимо, уходил. С той стороны Гришка во весь опор гонит Серенького. Прыгаю к нему в розвальни – начинается гонка.

Впереди он, мы видим по дороге пятна крови. Гришка хлещет Серенького, я в диком азарте впиваюсь глазами в эту ковыляющую, серую фигурку впереди... Что-то ночное, жуткое, похожее на те таинственные утренние полупотемки, в которых мы ехали сюда, наполняет мою душу и толкает вперед по белому полю за ненужным волком. Вот уж он недалеко, впереди две фигуры – рудокопы возвращаются со своих "дудок".

- Дер-ржи! Дер-ржи-и-и!.. Бей его, ворочай его-о-о! Ворочай его-о!

Фигуры суетятся, чем-то машут... Волк все ближе и ближе; видимо, он не хочет или не в силах уже сворачивать с дороги, где бежать ему легче. Что-то взметывает над фигурками, волк приседает серединою спинного хребта, на секунду приостанавливается, потом круто поворачивает в снег и, увязая по уши, из последних сил лезет куда-то.

Опять я грудью пробиваю себе дорогу в снегу, опять Гришка с Сереньким сзади, а волк ползет шагах в полутораста впереди... Сзади слышно, как Гришка ругает рудокопов, и в торжественном полусумеречном воздухе странно слышать грубые слова.

–Не уйдешь, не уйдешь! – бормочу я про себя.

Вот мы выбираемся на край пологой покатости: это долина Березянки: направо, вдалеке, мельница, прямо внизу, -- вспухшая к оттепели, со свинцовыми пятнами воды Березянка. Правый берег обрывист, дальше синий, мрачный бор. Все это вижу я смутно, как во сне: до того ли мне теперь?

Видимо, он изнемог; я тоже измучен, но уж теперь ясно -- кто-нибудь из нас должен свалиться...

Почему-то он тянет прямо к мельнице; если ему удастся доползти до бора, он спасен; я знаю это и жму его к крутому, со снежными навалами, правому берегу, где труднее выкарабкаться. Вот мелкие озерца, проступившие темно-водяными пятнами, сейчас и сама речка. Где снег посуше, его след чист, с ярко-красными каплями крови, по мокрому кровь ржавеет и расползается, как "сиена" на сырой бумаге. Озирается; как будто приостановился и оглядывается: прямо впереди, за узенькой речкой, вогнутый сугроб снега с нависшей коркой наста. На мельнице что-то шумят, сзади тоже слышны голоса.

Изо всей силы взметывает через речку вверх... Видно, как снег под ним обваливается пластами... Уши прижаты назад, все тело сжалось для скачка, все, все для него теперь в том, чтобы выпрыгнуть на тот берег. Прыжок – но это уже и не прыжок, а предсмертная судорога – вместе со снегом оседает и он сам назад – и наконец. Теперь он сидит: передние лапы стоят, зад беспомощно увяз в снегу; морда обращена ко мне, а я все ближе и ближе и все яснее вижу эту шилообразную, оскаленную морду с треугольными, прижатыми назад ушами. У раненых ворон бывают такие глаза – помню, в детстве я боялся их: ужасно это предсмертное сверканье, эта непримиримая ненависть.

Но он мой, мой! Теперь уже его серое тело крепко сидит на мушке моего ружья, – какое наслаждение! От первого выстрела, как от удара плетью, он весь передергивается, морда никнет в снег... Но он жив; он судорожно вытягивает еще в стороны то одной, то другой лапой. Увязая по пояс в снегу, подбираюсь ближе... Теперь уже, в десяти шагах, картечь шлепает тесной кучей, шерсть в

одном месте разлетается, как пух подушки, закоптелый пыж валяется вблизи на снегу, и противное, истерзанное мясо вылетает, кровавя снег вокруг...

Мы одни: я и он. Гришку я услал на мельницу; собаки, фыркая от неприятного волчьего запаха, побрели за ним.

Он лежит все там же, – где его застала смерть, – я повыше, на снежном гребне, которого он так и не одолел. Спускаются сумерки. Их наступление напоминает беззвучный, причудливый и таинственный полет летучей мыши над опустелыми ригами. И вдали, где узкие ленты лесов тонут в неясной мути, возникают невнятные, сумеречные отзвуки белых полей; колеблясь, тают они в воздухе. Язык их темен, мрачен и малопонятен, как далекий плеск моря. Все темнеет; ветер шуршит коричневыми листьями на меже; облака сошлись на небе уродливыми грудами, – бросают тягостный, аспидно-фиолетовый отсвет вниз. Пустынно и дико кругом.

Скоро приехал Гришка; мы взвалили волка на розвальни и поехали. Стемнело. Я вытянулся на спине, во весь рост в розвальнях, придерживая левой рукой волка, который лежал со мной рядом и тоже как будто смотрел в небо. Впрочем, оба мы одинаково ничего не видели там и не могли ничего увидеть и понять. Глухая страшная ночь чернела вокруг нас и над нами, и было все равно, смотреть ли вверх, вниз или еще куда. Все вокруг было одинаково непонятно и враждебно нам. Волк начал уже коченеть, и странно было в темноте трогать пальцами его жесткую шерсть, торчавшую космами и выросшую будто на мертвом теле. На раскатах он откатывался, так что я должен был обнимать его, а потом, когда розвальни становились на место, ударял меня своим угловатым, неприятно твердым телом.

Дома, в огромных нежилых комнатах, стояли те же холодные потемки, и весь дом, ветхий, поскрипывавший от ветра, полуслепой – с двумя-тремя светившимися окнами, выглядывал жалкой развалиной. Волка трогали, ахали, щупали; только старая, почти лысая кухарка Аграфена, которая прожила уже около восьмидесяти лет, всматривалась в него угрюмо и молчаливо.

На улице же в это время выл и крутил уже яростный ветер и дергал ставни окон. Много позже, когда все в доме спали, я отправился через целую вереницу пустых, гулких комнат в залу посмотреть, заперта ли балконная дверь.

Толкнув ее, я вышел на балкон. Снег слабо белел на нем, а дальше чернела, как непереходимая бездна, бесконечная бушующая мгла, то свивавшаяся вихрями, то удушающе налетавшая спереди, с воем охватывая всего, с головы до пят.

Вспоминая нашу пустынную борьбу, там, в безлюдном поле, я не испытывал ни радости, ни жалости, ни страсти. Мне не было жаль ни себя, ни волка, ни старую кухарку Аграфену, но не было бы странно и то, если бы в этой безлюдной тьме я увидел неподвижное лицо Вечной Ночи с грубо вырубленными, сделанными как из камня огромными глазами, в которых я прочел бы спокойное, величавое и равнодушное отчаяние.

1904г.

Примечания

Зайцев Борис Константинович (1881–1972гг.) – крупный писатель, яркая фигура Серебряного века. Творчество Зайцева относится к неореализму. Его стиль может рассматриваться как синтез классических традиций и изощрённого модерна, что подразумевает полноту переживаемой реальной жизни и удержание мгновений. Язык его произведений характеризуется прозрачностью словесных зарисовок, лирической насыщенностью, музыкальным богатством фразы.

Опорные вопросы

1.Каков смысл названия рассказа?

2.Какое место занимает тема охоты в русской литературе (живописи)?

3. Как решается мотив охоты в рассказе?

4.Что происходит с главными героями рассказа? (человек – волк)?

5. Какое место в рассказе занимает «волчья тема»? Волк – хищник или жертва?

6. Найдите слова, в которых заключается основной смысл произведения?

Анализ поэтического текста

С.М. Гандлевский

Что ж, зима. Белый улей распахнут.
Тихим светом насыщена тьма.
Спозаранок проснутся и ахнут,
И помедлят и молвят: «Зима».

Выпьем чаю за наши писанья,
За призвание весельчака.
Рафинада всплывут очертанья.
Так и тянет шепнуть: «До свиданья».
Вечер долог, да жизнь коротка.

1976г.

Примечание

Сергей Маркович Гандлевский (1952г.) – поэт, эссеист. Входил в литературную группу «Московское время», представляющую андеграунд второй половины XX века. Для него характерно возвращение к традиции, воссоздание поэтических норм и одновременно обновление поэтического языка. В поэзии он продолжает акмеистическую традицию. Поэту понятно, что объективной реальностью не ограничивается жизнь. Поэтика характеризуется опорой на центральный элемент текста (логоцентризм). Слово для него является первичной реальностью, а между миром и текстом нет непреодолимой границы.

Опорные вопросы

1. *Какой приём использован поэтом в стихотворении, с помощью которого он передаёт через смену времён года этапы жизни человека?*
2. *Что символизирует ледяное дыхание зимы?*
3. *Как называется приём, с помощью которого противопоставляются тьма и свет.*
4. *Для чего автор использует трёхсложный размер?*
5. *Как цветовая гамма стихотворения передаёт рельефность картины?*